

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Л.Б. Макеева

ЧТО ЕСТЬ ЗНАЧЕНИЕ? ОТВЕТ ПОЛА ГРАЙСА

Макеева Лолита Брониславовна – доктор философских наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: lmakeeva@hse.ru

В настоящей работе обсуждаются идеи, представленные в «прорывной» статье Пола Грайса «Значение», опубликованной в 1957 г. Эти идеи рассматриваются в перспективе более зрелого, полного и проработанного подхода Грайса к языку. Следующие тезисы выдвигаются в качестве основных характеристик этого подхода: (1) хотя значение и употребление тесно связаны между собой, их не следует отождествлять; (2) теория значения и языка в целом должна быть систематической и нацеленной на объяснение; (3) значение лингвистических выражений определяется в терминах психологических состояний, прежде всего намерений; (4) выделяются три вида значения – значение предложения, то, что сказано, и значение, вкладываемое говорящим; (5) речевое общение трактуется как рациональная деятельность, подчиняющаяся определенным принципам; чтобы распознать намерения говорящего, слушающие осуществляют особый вид выводов – импликатуры; (6) естественный язык не имеет особой неформальной логики; (7) семантические и прагматические аспекты языка не имеют четкой границы, они взаимодействуют друг с другом. При рассмотрении статьи Грайса «Значение» особое внимание уделяется трем идеям: различию между естественным и неестественным значением, процедуре концептуального анализа (состоящей в выявлении необходимых и достаточных условий для приписывания неестественного (вкладываемого говорящим) значения и природе (рефлексивной или итеративной) намерений говорящего, которые позже были названы «коммуникативными»). Хотя Грайс обычно считается философом обыденного языка, его взгляды на природу значения и речевого общения свидетельствуют о том, что он отвергает некоторые важные принципы этой философской школы.

Ключевые слова: значение, язык, речевое общение, коммуникативное намерение, импликатура, прагматика, семантика, философия обыденного языка

Для цитирования: *Макеева Л.Б.* Что есть значение? Ответ Пола Грайса // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 4. С. 69–88.

Британский философ Герберт Пол Грайс (1913–1988) считается одной из ключевых фигур в аналитической традиции второй половины XX в. Наибольший вклад он внес в развитие философии языка, однако значительный интерес представляют и его разработки в области философской психологии и метафизики, этики и теории рациональности. Обычно его относят к философам обыденного языка, но справедливости ради нужно признать, что

Грайс выдвинул новый и оригинальный подход к пониманию языка, который, с одной стороны, шел вразрез с некоторыми фундаментальными установками философии обыденного языка, а с другой стороны, оказал на последующие исследования языка столь продолжительное и сильное влияние, что можно говорить о появлении целого направления «грасианцев» или «неограсианцев». Как отмечает С. Ниль, идеи Грайса в философии языка по сей день «продолжают определять то, как философы, лингвисты и когнитивные ученые рассуждают о значении, коммуникации и связи между языком и сознанием»¹.

Между тем, в нашей отечественной философской литературе творчество Грайса явно недооценено. Мы очень мало знаем о его идеях, поэтому давно пришло время исправить эту ситуацию, и начать, я думаю, нужно с его статьи «Значение», которую часто характеризуют, как «новаторскую» и «прорывную»². Именно с этой статьи начинается создание Грайсом его теории значения и языка в целом. Примечателен тот факт, что хотя выход статьи в свет датируется 1957 г., написана она значительно раньше, ибо ее текст представляет собой доклад, прочитанный ее автором перед оксфордским философским обществом в 1948 г. Примерно на это же время приходится и разработка Дж. Остином идеи перформативных высказываний. Это означает, что с самого начала Грайс выступил как создатель нового подхода к языку.

Для лучшего понимания содержания и значения данной статьи имеет смысл рассмотреть представленные в ней идеи в контексте более зрелой, полной и проработанной теории языка Грайса. Это даст возможность взглянуть на эти идеи в перспективе их развития и уточнения. Поскольку формат статьи не позволяет дать развернутое изложение указанной теории, я отмечу лишь ее ключевые аспекты.

Во-первых, Грайс отверг тезис «значение есть употребление», который занимал центральное место в философии обыденного языка. По словам С. Соумса, Грайс осознал, что «нужно разработать теорию языка, в которой значение и употребление не отождествляются друг с другом, но и не развоятся в разные стороны. Нужно признать значение одним из наиболее важных факторов, управляющих употреблением языкового выражения, но отнюдь не единственным»³. Поэтому вопрос о том, что представляют собой другие факторы и как они взаимодействуют между собой, стал ключевым для Грайса.

Во-вторых, Грайс видел задачу философа в создании систематической теории языка, которая не только описывала бы, как приписываются значения языковым выражениям, но и объясняла этот процесс. Здесь он также отошел от позиции философов обыденного языка, которые хотя и не разделяли антиреалистическую установку позднего Витгенштейна, в своих исследованиях отдавали предпочтение не выдвигению общих объясняющих гипотез, а составлению «лингвистических гербариев», т.е. подбору конкретных случаев употребления выражений, с помощью которых формулировались

¹ Neale S. H. P. Grice (1913–1988) // *A Companion to Analytic Philosophy*. Oxford, 2005. P. 254.

² См., к примеру: *McGinn C. Philosophy of Language. The Classics Explained*. Cambridge (Mass.), 2015. P. 191.

³ *Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 2: The Age of Meaning*. Princeton; Oxford, 2003. P. 199.

философские проблемы. Даже теория речевых актов Дж. Остина, как справедливо отмечает С. Чапмен, «была им разработана практически в виде списка типов употребления языка и типов лингвистических актов, которые можно выявить в этих употреблениях»⁴. Неслучайно поэтому считается, что эта «теория» обрела свой подлинный теоретический статус лишь в трудах Дж. Сёрла. Грайс не устраивала склонность Остина ограничиваться «разрозненными размышлениями о языке», и он довольно жестко критиковал «лингвистическую процедуру», применяемую философами обыденного языка, ибо, с его точки зрения, анализ конкретных случаев употребления философски значимых выражений при отсутствии общей теории языка не способен застраховать от ошибок⁵. Сказанное отнюдь не означает, что Грайс в своих исследованиях не использовал примеров из повседневного употребления языковых выражений, но они всегда служили ему вспомогательным средством при проведении анализа или построении теории.

В-третьих, Грайс начинает свое построение общей и систематической теории языка с анализа понятия значения. Разделяя с философами обыденного языка представление о том, что значением слова и предложения наделяются людьми, совершающими посредством их произнесения определенные действия в ходе коммуникации друг с другом, Грайс не останавливается на простой констатации этого факта и задумывается над тем «механизмом», который обеспечивает это наделение языковых выражений значением. Поскольку в сфере коммуникации, как правило, имеют место интенциональные действия, т.е. действия, совершаемые с определенными намерениями и с учетом мнений, мыслей, представлений, которых придерживаются действующие агенты, Грайс увязывает этот «механизм» с психологическими процессами, т.е. он выстраивает свой анализ понятия значения в терминах психологических состояний, делая основной упор на понятии намерения. Таким образом, с его точки зрения, акты означивания чего-либо лежат в ментальной сфере, в связи с чем его теорию значения называют психологической. Основы этой теории он заложил в своей статье «Значение», поэтому немного подробнее о специфике его анализа понятия значения я скажу ниже при рассмотрении этой статьи.

В-четвертых, помимо значений, связанных с намерениями говорящих, Грайс признает и значения, конвенционально закодированные в языке. Точнее сказать, он выделяет три составляющие в значении произносимого предложения⁶. Так, если говорящий *U* произносит в некотором конкретном случае предложение *X*, то, согласно Грайсу, необходимо различать: (1) что означает предложение *X* само по себе; (2) что сказал *U* в конкретном случае, произнеся *X*, и (3) что имплицировал *U*, произнеся *X*.

Первая составляющая – в терминологии Грайса «значение предложения» – представляет собой буквальное значение *X*, образующееся из значений входящих в него слов. Это значение является предметом изучения семантики.

Вторая составляющая – «то, что сказано» – это уточненное и дополненное буквальное значение *X*, точно выражающее содержащуюся в этом

⁴ Chapman S. «Meaning»: Philosophical Forebears and Linguistic Descendants // Theorema: Revista Internacional de Filosofia. 2007. Vol. 26. No. 2. P. 63.

⁵ См.: Grice H.P. Studies in the Way of Words. Harvard, 1989. P. 3–21.

⁶ См.: Ibid. P. 117–139.

предложении мысль или суждение. Допустим, человек произносит фразу: «Вчера Сергей обсудил все эти вопросы с шефом». Мы легко понимаем буквальное значение этого предложения, но точное его содержание станет нам доступно, только если мы знаем контекст его произнесения, который позволит нам установить референцию использованных индексикальных выражений («вчера», «эти») и имен собственных («Сергей»), определить область действия квантора, выражаемого числительным «все», устранить неоднозначности и т.п.

Третья составляющая – «значение, вкладываемое говорящим» (*utterer's meaning*) – и есть тот вид значения, который напрямую связан с намерениями и который служит предметом изучения прагматики. Его наличие обусловлено тем фактом, что, произнося предложение с определенным конвенциональным значением, говорящий может с его помощью сообщить что-то другое.

Грайс не только выделил эти три вида значения высказывания, но и поставил вопрос о том, как они связаны между собой генетически и как они взаимодействуют в процессе коммуникации. Признав значение, вкладываемое говорящим, базовым, он попытался объяснить возникновение конвенционального значения в терминах «привычки» и «процедуры» в репертуаре говорящего⁷. Ответом на второй вопрос стала его теория импликатур, о которой будет сказано ниже.

В-пятых, Грайс разработал модель речевого общения людей, заложив в нее несколько важных идей. Так, вопреки представлению позднего Витгенштейна и философов обыденного языка о том, что значение языковых выражений, конституируемое их употреблением, можно напрямую «считать» с ситуаций, в которых они произносятся (эти значения лежат как бы на «поверхности» речевой деятельности, открытые для публичного обозрения), Грайс полагал, что, хотя намерения говорящих (а стало быть, и вкладываемые ими значения) в принципе доступны слушающим, они должны быть ими распознаны, т.е. должна быть выполнена определенная мыслительная работа по их установлению. Таким образом, в модели речевого общения Грайса слушающие перестают быть пассивными реципиентами сообщений, они должны рассуждать и делать выводы в ходе распознавания намерений говорящих. Это также означает, как подчеркивает Грайс, что речевое общение представляет собой *рациональную* деятельность, подчиняющуюся определенным принципам⁸.

Для обозначения выводов, которые должны осуществлять слушающие, Грайс ввел название «импликатура», чтобы подчеркнуть их отличие от импликаций, изучаемых логиками. Импликатуры, как правило, не являются логическим следствием из высказывания и поэтому обладают таким свойством, как отменяемость. Допустим, если воспользоваться примером Грайса, на вопрос о росте какого-то человека, ваш собеседник отвечает: «Он атлет». Отсюда вы можете заключить, что обсуждаемый человек высок ростом, хотя это не вытекает логически из предложения «Он атлет». Ваш

⁷ Подробнее см.: *Grice H.P. Studies in the Way of Words*. P. 124–128. Анализ предложенного Грайсом объяснения см.: *Avramides A. Intention and Convention // Companion to the Philosophy of Language*. Oxford, 1998. P. 79–85.

⁸ Подробнее об этом см.: *Meaning and Analysis. New Essays on Grice*. L., 2010. P. 1–2, 12–19, 184–201.

вывод (импликатура) опирается на бытующее мнение о том, что атлеты, как правило, высоки ростом. Впрочем, ваш собеседник может отменить ваш вывод, добавив: «Но он не так уж высок ростом», и никакого логического противоречия здесь не будет.

Согласно Грайсу, возможность такого рода импликатур обеспечивается существованием определенных принципов эффективного и рационального обмена информацией, на которые и опираются слушающие в своем распознавании намерений говорящего. Среди них ключевая роль отводится принципу кооперации и четырем уточняющим его постулатам, или максимам, однако, поскольку этот аспект теории Грайса известен отечественным читателям благодаря переводу статьи «Логика и речевое общение», я не буду останавливаться на его изложении.

В-шестых, Грайс отверг тезис философов обыденного языка о существовании особой «неформальной» логики естественного языка. В подтверждение этого тезиса часто ссылаются на различие в значении формальных логических констант (конъюнкции, дизъюнкции и т.п.) и их аналогов в естественном языке (союзов «и», «или» и т.п.). Так, с точки зрения формальной логики в предложениях (1) «Москва есть столица России и Париж есть столица Франции» и (2) «Джон съел гамбургер и почувствовал себя плохо» союз «и» имеет одно и то же значение, полностью выражаемое конъюнкцией &, тогда как, согласно философам обыденного языка, в предложении (2) союз «и» означает «и затем, как результат», поэтому мы не можем безнаказанно переставить простые предложения в (2), хотя это вполне допускается в случае (1). В этом споре Грайс встает на сторону формальных логиков. С его точки зрения, союз «и» имеет одно и то же значение в предложениях (1) и (2), адекватно выражаемое конъюнкцией (поэтому логика одна). Различие возникает на уровне употребления этих предложений, т.е. именно говорящий может вложить в них разное значение. Импликатура в рассматриваемом случае будет опираться на то соображение здравого смысла, что порядок изложения часто отражает последовательность событий и каузальную связь между ними, что гамбургеры могут быть причиной плохого самочувствия и т.п. Эту импликатуру можно отменить, добавив, что Джон почувствовал себя плохо не из-за гамбургера. Критику Грайсом этого и других якобы имеющих место различий между формальной логикой и логикой естественного языка можно подытожить сформулированной им *модифицированной бритвой Оккама*: «Не следует умножать смыслы без необходимости»⁹.

И, наконец, в качестве седьмого пункта лишь обозначим, ибо это очень обширная тема, еще один важный результат в исследованиях Грайсом языка. Он касается вопроса об отношении между семантикой и прагматикой. Как известно, классическое различие синтаксиса (отношение между знаками и способы образования одних знаков из других), семантики (значение знаков) и прагматики (разнообразные аспекты использования знаков) в изучении знаковых систем было введено Ч. Моррисом. Грайс же показал, что граница между семантикой и прагматикой не столь однозначна и проста. С одной стороны, отнеся значения, вкладываемые говорящими, и импликатуры к области прагматики, он указал на факт тесного взаимодействия между семантическими и прагматическими аспектами языка. С другой стороны, объяснив значение, вкладываемое говорящим, базовым, он по сути редуцировал

⁹ Grice H.P. Studies in the Way of Words. P. 47.

семантику к прагматике. В результате во многом благодаря его усилиям прагматика, куда аналитическими философами «сметалось» все, что не имеет отношения к проблеме значения, а потому являлось второстепенным и недостойным внимания, превратилась в интенсивно развивающуюся и перспективную область исследования.

Возвратимся теперь к статье «Значение». При всей ее видимой простоте не так-то легко «расшифровать» содержащиеся в ней идеи. Возможно, это связано с тем, что с момента ее написания прошло немало времени; возможно, объяснением служит тот факт, что задуманная как доклад перед коллегами, которые хорошо погружены «в тему», она скудна на разъяснения. О некоторых важных вещах говорится как бы «вскользь», полупонамеком, видимо, потому что для тогдашней аудитории они были вполне очевидными. В связи с этим будет уместно дать некоторые пояснения по ее содержанию.

Грайс начинает свою статью с указания двух основных способов употребления глагола «означать» (или «значить») в нашей повседневной языковой практике, поясняя их с помощью двух групп примеров. Эти два способа употребления он характеризует как «естественный» и «неестественный» смыслы этого глагола. Возможно, это не лучший выбор названия, но Грайс имеет в виду лишь то, что при одном способе употребления данный глагол выражает естественную, как правило, каузальную связь (например, между корью и пятнышками на коже как ее симптомом), а при другом – отсутствие такой связи (например, между тремя звонками колокольчика и заполнением автобуса пассажирами). Именно наличие или отсутствие естественной связи лежит в основе отмечаемых им различий между двумя способами употребления глагола «означать». Так, необходимый характер естественной связи объясняет, почему связываемые глаголом «означать» явления не могут не сопровождать друг друга (при наличии соответствующих пятнышек на коже у человека не может не быть кори, поэтому если они имеют место, можно сделать вывод о кори). Отсутствие же естественной связи ответственно за то, что неестественное значение должно быть привнесено или приписано, а стало быть, должен быть совершающий это действие агент.

Попутно Грайс делает два замечания по поводу введенного им различия естественного и неестественного значения. Во-первых, он отмечает, что при всех их различиях неестественное значение вполне может быть производным от естественного значения. набросок объяснения, как неестественное значение могло бы возникнуть на основе естественного, он даст позже в статье «Еще раз о значении» («Meaning Revisited»). Основная его идея состоит в том, что некоторые произвольные действия человека, имеющие естественное значение (например, произвольно издаваемый стон как проявление боли), могут им имитироваться. Так, человек может намеренно застонать, скажем, с целью обмана, чтобы внушить окружающим мысль об испытываемой им боли. Согласно Грайсу, переход к неестественному значению происходит тогда, когда человек намеренно стонет, но окружающие воспринимают его стон не как свидетельство обмана, а как основание считать, что он испытывает боль.

Во-вторых, Грайс указывает на преимущество его различия естественного и неестественного значения перед традиционным различием естественных и конвенциональных знаков. Здесь, по-видимому, он неявно ссылается на теорию знаков Ч.С. Пирса. При этом Грайс приводит на первый взгляд странное основание – по сути, он утверждает, что слова не являются

знаками, хотя и имеют неестественное значение. Однако это утверждение может показаться странным лишь философам и лингвистам, но отнюдь не простым людям, которые скорее отнесут к знакам буквы, запятые, точки и т.п., но не слова, а Грайс в своем исследовании ориентируется именно на повседневное словоупотребление.

После этого Грайс переходит к обсуждению центрального для него вопроса – что представляет собой неестественное значение? Свою задачу он видит в том, чтобы проанализировать это понятие. При этом он использует определенную технику концептуального анализа, которая к середине XX в. стала набирать популярность среди аналитических философов и которая предполагала поиск необходимых и достаточных условий для наличия феномена, выражаемого понятием. Таким образом, цель Грайса – сформулировать условия, необходимые и достаточные для приписывания кому-либо или чему-либо неестественного значения. Поиск такого рода условий, как правило, осуществляется через рассмотрение разных конкретных случаев и отбор среди них тех, в которых эти условия выполнены. Решение же о том, присутствует ли анализируемый феномен в том или ином конкретном случае, часто принимается не на основе четко сформулированных критериев, а согласно интуитивным представлениям того, кто проводит анализ.

Следует сказать, что Грайс трактует неестественное значение довольно широко и поэтому в его примерах претендентами на этот вид значения выступают не только языковые выражения, но и многие другие вещи (картины, жесты и т.п.), которые можно использовать для передачи некоторого «сообщения». Более того, для всех видов такого рода сообщений он использует термин «высказывание» (*utterance*).

Вначале Грайс подвергает критике анализ понятия значения, предложенный Ч.Л. Стивенсоном в его книге «Этика и язык», опубликованной в 1944 г. Идея Стивенсона была довольно проста. Допустим, некто *A* придерживается мнения *p*, например мнения о том, что Джон нечестный человек, и произносит предложение *s*, чтобы сообщить об этом другим людям. Мы можем утверждать, что предложение *s* имеет значение *p*, если выполнены следующие два условия: (1) мнение *p* имеет тенденцию побуждать *A* произнести *s*, и (2) произнесение *s* человеком *A* имеет тенденцию вызывать у слушающих появление мнения *p*. Грайс называет эту теорию Стивенсона каузальной и формулирует два контрпримера, чтобы показать ее несостоятельность. В этих контрпримерах соблюдены оба указанных условия, но это не обеспечивает наличия значения. Так, в примере с человеком, надевающим фрак, чтобы идти на бал, присутствуют обе каузальные зависимости: знание о том, что он идет на бал, побуждает человека надеть фрак (ибо на балу все мужчины должны быть во фраках), в то же время увиденный окружающими человек во фраке, побуждает их к мысли, что он идет на бал. Однако, считает Грайс, мы не вправе утверждать, что, надевая фрак, человек вложил в это свое действие какое-либо значение. Мы совершаем разнообразные действия, по которым окружающие люди могут сформировать о нас множество разных мнений, но отсюда не следует, что каждое наше действие есть передаваемое нами сообщение. Более того, если добавить к двум перечисленным условиям, как это делает Стивенсон, уточнение о том, что данный знак (надетый фрак) используется в коммуникации, т.е. для общения чего-либо, то получившееся определение будет содержать порочный круг.

Отвергнув каузальный подход, Грайс предлагает другую стратегию, в основе которой лежит идея намерения: чтобы приписать (неестественное) значение какому-либо действию человека, он должен иметь намерение сообщить что-то другим людям этим своим действием. Именно такое намерение отсутствовало в примере с фраком. На первый взгляд эта идея выглядит настолько очевидной, что трудно заподозрить в ней какой-либо «потенциал» для философского прояснения природы значения. Однако Грайс сумел высветить в ней некоторые важные аспекты, которые послужили основой для нового философского взгляда на значение. Более того, его попытка применить «эту интуитивно правдоподобную идею и придать ей серьезную философскую трактовку оказала колоссальное влияние на исследование лингвистического значения в последние 50 лет»¹⁰.

Итак, какие же новые идеи высказал Грайс? Во-первых, он показал (на примере сфабрикованной улики на месте убийства), что одного намерения сообщить что-либо еще недостаточно. Нужно еще, чтобы те, кому человек намеревается своим действием что-либо сообщить, распознали это его намерение. Таким образом, для факта означивания чего-либо необходимо коммуникативное *взаимодействие*, в которое и говорящие, и слушающие вносят свою лепту. Но и этого еще недостаточно, поэтому, во-вторых, Грайс делает вывод, что распознавание слушающими намерения говорящего сообщить им что-либо само должно входить в намерения говорящего. Тем самым он высказывает ту идею, что в коммуникации людей задействованы особые намерения, которые в последующем станут называть «коммуникативными». О специфике этих намерений я скажу ниже.

И наконец, отмечу третий, ключевой, пункт в анализе Грайсом понятия значения. Разъяснению именно этого пункта он посвящает наибольшее количество примеров. Его мысль состоит в том, что для наличия (неестественного) значения важно, чтобы только само высказывание говорящего, а не что-либо еще, служило основанием для формирования у слушающих определенного мнения, которое и выражает «считанное» ими значение. Так, в примере с фотографией, на которой запечатлена сцена, свидетельствующая о неверности жены некоего м-ра X, действию человека, показавшего эту фотографию м-ру X, еще нельзя приписать неестественное значение, ибо м-ру X достаточно одной этой фотографии, чтобы поверить в неверность жены, и здесь неважно, распознает он намерение того, кто ему ее покажет, или нет. В самой фотографии содержится уже свидетельство неверности жены м-ра X. Другое дело, если человек покажет м-ру X нарисованную им картину с той сценой. В этом случае сама картина не может быть свидетельством неверности жены м-ра X, поэтому единственным основанием для того, чтобы он в это поверил, служит распознаваемое им намерение говорящего сообщить ему об этом. Возможно, он не сочтет это серьезным основанием, однако же, именно это значение он «считает» в поступке человека, показавшего ему картину.

Как свидетельствуют примеры Грайса, предметом его анализа выступает тот вид неестественного значения, которое возникает в конкретных случаях высказывания и которое в последующем он назовет значением, вкладываемым говорящим. Именно его он считает базовым и на его основе определяет другой вид неестественного значения, которое характеризует как значение предложения, безотносительное ко времени его произнесения.

¹⁰ Chapman S. «Meaning»: Philosophical Forebears and Linguistic Descendants. P. 59.

Свои пояснения я хотела бы завершить небольшим комментарием о коммуникативных (или, как их еще называют, грайсовских) намерениях. Нужно сказать, что текст статьи дает повод для их двойкой трактовки: как «рефлексивных» (или самореференциальных) и как «итеративных» намерений. В первом случае предполагается, что говорящий имеет одно намерение, которое включает в себя, как часть своего содержания, то, что слушающие распознают это намерение, приняв во внимание тот факт, что его распознавание ими включено в намерение говорящего. В случае итеративной трактовки говорящий имеет, по меньшей мере, два намерения – намерение сообщить что-то и второе намерение, касающееся того, чтобы первое намерение было распознано. Как показали дальнейшие исследования¹¹, если коммуникативные намерения трактовать как итеративные, это приводит к неоправданному усложнению формулировок необходимых и достаточных условий для приписывания значения и, более того, грозит регрессом в бесконечность.

Однако трактовка коммуникативных намерений как рефлексивных также сталкивается с определенной трудностью – так называемым рефлексивным парадоксом. Этот парадокс состоит в следующем: поскольку для распознавания рефлексивного намерения говорящего слушающие должны распознать и включенное в его содержание намерение, касающееся его распознавания ими, то получается, что слушающие заранее должны знать это коммуникативное намерение с тем, чтобы его распознать, т.е. их вывод о том, какое намерение, а стало быть, и какое значение приписать говорящему, будет содержать в себе круг. Грайс упоминает этот парадокс в своей статье, но отрицает возможность его возникновения в проведенном им анализе. Прав он или нет, вопрос непростой, породивший в свое время немало споров¹².

Впрочем, специфика коммуникативных намерений и рефлексивный парадокс далеко не единственные аспекты теории значения Грайса, вызвавшие жаркие споры среди его последователей, критиков и комментаторов. После публикации «Значения» последовал вал работ, в которых авторы изобретали все более изощренные контрпримеры и предлагали усовершенствованные формулировки. Однако вряд ли стоит в этом видеть свидетельство несостоятельности проведенного Грайсом анализа. Видимо, нужно согласиться с Дж. Сёрлом, отметившим, что многие наши понятия «не имеют абсолютно несокрушимых необходимых и достаточных условий... Но осознание неточности наших понятий... не должно приводить нас к отказу от самого философского анализа; скорее, следует сделать вывод, что определенные виды анализа, особенно анализ необходимых и достаточных условий, вероятно, включают (в разной степени) идеализацию анализируемого понятия»¹³. Контрпримеры могут не опровергать проведенный анализ, а указывать лишь на необходимость объяснить, что в них отклоняется от парадигмального случая. Вместе с тем, главное, нужно помнить, что прежде всего благодаря Грайсу на стыке философии, лингвистики и психологии возникла новая интенсивно развивающаяся сфера исследований – современная прагматика.

¹¹ См., к примеру: *Strawson P.F. Intention and Convention in Speech Acts // Philosophical Review. 1964. Vol. 73. P. 439–604; Schiffer S. Meaning. Oxford, 1972.*

¹² См.: *Bach K. Grice // Philosophy of Language: Key Thinkers. L., 2011. P. 185–186.*

¹³ *Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Oxford, 1969. P. 55.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пол Грайс

Значение*

Рассмотрим следующие предложения:

«Эти пятнышки на коже означают (означали) корь».

«Эти пятнышки на коже ничего не значили для меня, но для доктора они означали корь».

«Нынешний бюджет означает, что у нас будет трудный год».

(1) Я не могу сказать: «Эти пятнышки на коже означали корь, но у него не было кори», как не могу и сказать: «Нынешний бюджет означает, что у нас будет трудный год, но у нас не будет трудного года». Таким образом, в случаях, вроде приведенных выше, из *x* означал, что *p*, и *x* означает, что *p*, следует *p*.

(2) Я не могу на основании «Эти пятнышки на коже означают (означали) корь» заключить, «какое значение вкладывается (вкладывалось) в эти пятнышки на коже»¹; например, я не вправе сказать: «В эти пятнышки на коже вкладывается (вкладывалось) то значение, что у него корь». Равным образом я не могу вывести из утверждения о нынешнем бюджете заключение: «В нынешний бюджет вкладывается то значение, что у нас будет трудный год».

(3) Я не могу на основании «Эти пятнышки на коже означали корь» прийти к заключению о том, что тот или иной человек вкладывал в эти пятнышки такое-то и такое-то значение. То же самое, *mutatis mutandis*², верно и для предложения о нынешнем бюджете.

(4) Ни один из вышеприведенных примеров нельзя переформулировать таким образом, чтобы за глаголом «означает» следовало предложение или выражение в кавычках. Так, «Эти пятнышки на коже означали корь» нельзя переформулировать как «Эти пятнышки на коже означали “корь”» или «Эти пятнышки на коже означали: “у него корь”».

(5) Вместе с тем, для всех этих примеров можно найти близкую по значению формулировку, начинающуюся со слов: «Тот факт, что...»; например, «Тот факт, что у него были эти пятнышки на коже, означает, что у него была корь»

* Перевод выполнен по изданию: Grice H.P. Meaning // Philosophical Review. 1957. Vol. 66. P. 377–388. Публикуется с разрешения издателя. – Прим. пер.

¹ Английское выражение «what is (was) meant by those spots» было бы естественней и корректней перевести как «то, что имеется (имелось) в виду под этими пятнами» или «то, что подразумевается (подразумевалось) под этими пятнами», однако в этой статье важно, чтобы английским словам «mean», «meaning» и производным от них соответствовали однокоренные русские аналоги, поэтому вместо «подразумевать», «иметь в виду» в переводе будет использоваться выражение «вкладывать значение», хотя, увы, оно будет усложнять и делать довольно неуклюжими некоторые грамматические конструкции. – Прим. пер.

² Mutatis mutandis (лат.) – изменив то, что требует изменения, т.е. с необходимыми изменениями, поправками. – Прим. пер.

и «Тот факт, что нынешний бюджет таков, каков он есть, означает, что у нас будет трудный год».

Теперь сопоставим вышеприведенные предложения со следующими:

«Эти три звонка в колокольчик означают, что автобус заполнился пассажирами».

«Замечание: “Смит не смог бы жить без своей благоверной”³ означало, что Смит считает свою жену незаменимой».

(1) Я могу произнести первое из этих предложений и затем сказать: «Но на самом деле автобус не заполнился пассажирами – кондуктор ошибся»; и я могу произнести второе предложение, а затем продолжить: «Но на самом деле Смит бросил ее семь лет назад». Таким образом, здесь *x* означает, что *p*, и *x* означал, что *p*, не влечет *p*.

(2) Я могу из первого предложения вывести утверждение о том, «какое значение вкладывается (вкладывалось)» в звонки колокольчика, а из второго – утверждение о том, «какое значение вкладывается (вкладывалось)» в процитированное замечание.

(3) Я могу на основании первого предложения сделать заключение, что кто-то (а именно кондуктор) вложил или, во всяком случае, должен был вложить в звонки то значение, что автобус заполнился пассажирами, и я могу сделать аналогичное заключение и в отношении второго предложения.

(4) Первое предложение можно переформулировать таким образом, чтобы после глагола «означает» следовало выражение в кавычках, т.е. «Эти три звонка в колокольчик означают: “автобус наполнился пассажирами”». То же самое можно проделать и со вторым предложением.

(5) Если перефразировать первое предложение, как «Тот факт, что колокольчик прозвенел три раза, означает, что автобус заполнился пассажирами», то они не будут совпадать по значению. И то, и другое предложение могут быть истинными, но они не имеют, даже приблизительно, одного и того же значения.

Когда выражения «означает», «означает что-то», «означает, что» используются так, как они использованы в первом наборе предложений, я буду называть смысл, в котором они употреблены, *естественным* (natural) смыслом рассматриваемых выражений. Когда же эти выражения используются так, как они использованы во втором наборе предложений, я буду называть смысл, в котором они употреблены, *неестественным* (nonnatural) смыслом рассматриваемых выражений. Я буду использовать аббревиатуру «означает_{NN}» для обозначения неестественного смысла.

Я предлагаю, ради удобства, включить также в число естественных смыслов глагола «означать» («mean») тот смысл, что представлен в предложениях вида («А намеревается (намеревался) *сделать* то-то и то-то (посредством *x*)»⁴ («A means (meant) to do so-and-so (by x)»), где *A* – это человек, субъект действия. И наоборот, как показывают предыдущие примеры, я включаю в число неестественных смыслов глагола «означает» любой его смысл, встречаемый в предложениях вида «А вкладывает (вкладывал) такое-то значение в *x*» или «А вкладывает (вкладывал) в *x* то значение, что...». (Это звучит слишком жестко, но служит лишь в качестве образца.)

³ В английском оригинале этого предложения «Smith couldn't get on without his trouble and strife» используется не переводимое на русский язык выражение из рифмованного сленга кокни «trouble and strife», обозначающее жену.

⁴ Английский глагол *mean* имеет и значение «намереваться». – Прим. пер.

Я не хочу сказать, что *все* смыслы, в которых мы употребляем глагол «означать», могут быть легко и бесспорно отнесены к одной из выделенных мной групп; но я думаю, что в большинстве случаев мы, по крайней мере, очень расположены уподоблять наше употребление глагола «означать» какому-то одному (из указанных двух) смыслам. В связи с этим встает вопрос: Что еще можно сказать о различии между случаями, в которых данный глагол употребляется в естественном смысле, и случаями, когда он употребляется в неестественном смысле? Тот факт, что мы задаемся этим вопросом, конечно же, не может запретить нам попытаться объяснить «значение_{NN}» с помощью того или иного естественного смысла «означать».

Думаю, именно к этому вопросу о различии между естественным и неестественным значением обращаются те, кого интересует различие между «естественными» и «конвенциональными» знаками. Но я считаю свою формулировку лучше. Ибо не все, что может иметь значение_{NN}, является знаком (например, слова не являются) или является конвенциональным знаком в обычном понимании (например, определенные жесты); да и некоторые вещи, имеющие естественное значение, не являются знаками того, что они означают (ср. пример о нынешнем бюджете).

Вначале я хотел бы кратко рассмотреть и отвергнуть в качестве ответа на вопрос: «Что такое значение_{NN}?» то, что я называю ответом каузального типа. Так, мы могли бы, в духе Ч.Л. Стивенсона⁵, предложить такое определение: чтобы *x* что-то означал_{NN}, *x* должен иметь (выражаясь нестрого) тенденцию порождать в слушающих некоторую установку⁶ (когнитивную или какую-либо иную) и иметь также ту тенденцию, чтобы говорящий *был* побуждаем этой же установкой, при условии, что эти тенденции зависят от «сложного процесса обусловливания, сопровождающего использование этого знака в коммуникации»⁷. Ясно, что это не годится.

(1) Давайте рассмотрим, можно ли квалифицировать как имеющее значение_{NN} высказывание, относящееся к дескриптивному или информативному виду, когда соответствующая установка является, стало быть, когнитивной, например установкой «считать» («верить» – believe). (Я использую «высказывание» как нейтральное слово, применимое к любому претенденту на значение_{NN}; оно включает в себе удобную двойственность «действия-объекта»). Несомненно, многие люди имеют склонность надевать фрак, когда они собираются идти на бал, а также не вызывает сомнений и то, что многие люди, увидев кого-то во фраке, заключат, что этот человек собирается идти на бал. Убеждает ли это нас в том, что надетый человеком фрак означает_{NN}, что он собирается на бал (или вообще что-либо означает_{NN})? Очевидно, что нет. И здесь не поможет ссылка на уточняющее выражение «зависит от сложного процесса обусловливания...». Если это выражение означает лишь, что люди в каком-то смысле обучаются данной реакции на увиденный надетый фрак или ее приобретают, то это не исключает нынешний случай из числа имеющих значение_{NN}. Но если всерьез отнестись ко второй части уточняющего выражения («сопровождающего использование этого знака в коммуникации»), то становится очевидным, что подобное объяснение значения_{NN} содержит в себе круг. Мы могли бы с тем же

⁵ Stevenson C.L. Ethics and Language. New Haven, 1944. Ch. 3.

⁶ Речь идет о пропозициональных установках, выражаемых такими глаголами, как «считать, что...», «надеяться, что...», «хотеть, чтобы...» и т.п. – Прим. пер.

⁷ Ibid. P. 57.

успехом сказать: « X имеет значение_{NN}, если X используется в коммуникации», что само по себе верно, хотя и ничего не проясняет.

(2) Если этого недостаточно, то отметим следующую трудность, – по сути, думаю, ту же самую трудность, что признает и сам Стивенсон: как можно при таком подходе избежать, к примеру, необходимости утверждать, что «Джон высок ростом» является частью значения высказывания «Джон атлет», ведь если сказать кому-нибудь, что Джон атлет, то этот человек будет склонен думать, что Джон высок ростом. Стивенсон прибегает здесь к ссылке на лингвистические правила, а именно упоминает правило-рекомендацию, согласно которому «атлеты могут быть невысокими». Это все равно, что сказать: правила нам не запрещают говорить о «невысоких атлетах». Но почему же нам это не запрещается? Не потому что это не является грамматической ошибкой и не потому что это не звучит невежливо и т.п., но, по видимому, потому что это не лишено смысла (или, если это очень сильное утверждение, потому что этим не нарушаются никакие семантические правила для рассматриваемого выражения). Но, похоже, мы вновь получаем круг в определении. Более того, мы могли бы спросить, почему, если здесь правомерно прибегнуть к правилам, чтобы отличить означаемое от подразумеваемого, этого не было сделано ранее, к примеру, в случае стонов, при рассмотрении которых Стивенсон исходно и ввел уточняющее выражение о зависимости от обусловливания.

Еще один недостаток каузальной теории изложенного нами вида состоит, видимо, в том, что даже если мы примем ее, как таковую, она снабдит нас лишь анализом утверждений о *стандартном*, или *привычном*, значении «знака». В ней не предусматривается, как следует разбирать утверждения о том, какое значение конкретный говорящий или пишущий человек придает знаку в конкретном случае (которое вполне может расходиться со стандартным значением знака). Непонятно к тому же, как можно было бы адаптировать эту теорию, чтобы она это предусматривала. Можно даже пойти дальше в критике каузальной теории, утверждая, что в ней игнорируется тот факт, что (привычное) значение знака нужно объяснить с помощью значения, которое, по сути, в этот знак вкладывают (или должны вкладывать) те, кто его использует в конкретных ситуациях. Стало быть, последнее значение, оставляемое каузальной теорией без объяснения, фактически носит фундаментальный характер. Я с одобрением отношусь к этой более радикальной критике, хотя и осознаю, что она спорна.

Я не буду рассматривать какие-либо другие теории «каузальных тенденций». Подозреваю, что ни одна такая теория не способна избежать трудностей, аналогичных тем, что я обрисовал, не утрачивая при этом полностью права считаться теорией данного типа.

Теперь же я испробую другую, надеюсь, более перспективную стратегию. Если мы сможем разяснить значение выражений:

« x означал_{NN} то-то (в конкретном случае)»

« x означал_{NN}, что так-то и так-то (в конкретном случае)»

« A вложил то-то как значение_{NN} в x (в конкретном случае)»

« A вложил в x как значение_{NN} то, что так-то и так-то (в конкретном случае)»,

тогда есть основания ожидать, что это поможет нам разяснить

« x означает_{NN} (безотносительно ко времени) то-то (что так-то и так-то)»

« A вкладывает в x как значение_{NN} то-то (что так-то и так-то)»,

а также объяснить выражения «означает то же самое, что и», «понимает», «влечет» и т.п. Давайте на время представим себе, что нам приходится иметь дело только с информативными или дескриптивными высказываниями.

В качестве первого предположения примем, что « x означал_{NN} то-то» было бы истинно, если бы в намерения того, кто произнес x , входило бы склонить тех, кто его слушает, к некоторому мнению; тогда сказать, каким было это мнение, значило бы сказать, что же именно x означал_{NN}. Это не годится. Я могу оставить носовой платок, принадлежащий B , рядом с местом убийства с тем, чтобы склонить детектива к мысли, будто B является убийцей; но мы вряд ли могли бы утверждать, что носовой платок (или то, что я там его оставил) что-то означал_{NN} или что я своим поступком передал значение_{NN}, что B – убийца. Ясно, что мы должны, по крайней мере, добавить следующее: чтобы иметь значение_{NN}, x не только должно быть «произнесено» с намерением вызвать определенное мнение, но также и тот, кто произносит x , должен хотеть, чтобы его слушатели распознали стоящее за его высказыванием намерение.

Это уже лучше, но еще недостаточно. Рассмотрим следующие случаи:

- (1) Ирод преподносит Саломее голову Иоанна Предтечи на блюде.
- (2) Почувствовав слабость, ребенок обратился к матери свое лицо, чтобы она увидела его бледность (надеясь, что она сама сделает вывод и поможет).
- (3) Я оставляю фарфоровую вещицу, разбитую дочерью, на видном месте, чтобы ее заметила жена.

Здесь представлены случаи, удовлетворяющие условиям, которые мы сформулировали для значения_{NN}. Например, Ирод хотел, чтобы Саломея поверила в смерть Иоанна Крестителя, и, несомненно, хотел также, чтобы Саломея распознала его намерение заставить ее поверить в смерть Иоанна Крестителя. То же самое можно сказать и в отношении других случаев. Тем не менее я не думаю, что мы вправе были бы утверждать, что здесь мы имеем случаи значения_{NN}.

По сути, нам нужно установить, в чем состоит различие между такими, как пример, выражениями, как «намеренно и открыто поставить кого-то в известность» и «рассказать», а также «заставить кого-то подумать» и «рассказать».

Вероятно, выход состоит в следующем. Сравним два таких случая:

- (1) Я показываю м-ру X фотографию, на которой м-р Y проявляет неподобающую фамильярность в отношении миссис X .
- (2) Я рисую картину, на которой м-р Y ведет себя указанным образом, и показываю ее м-ру X .

На мой взгляд, следует отвергнуть, что в случае (1) фотография (или мой показ ее м-ру X) вообще что-либо означает_{NN}. Вместе с тем, я утверждаю, что в случае (2) картина (или ее создание и показ) означают_{NN} что-то (а именно что м-р Y был неподобающе фамильярен) или, по крайней мере, что я вложил в нее то значение_{NN}, что м-р Y был неподобающе фамильярен. В чем же состоит различие между этими двумя случаями? Несомненно, что в случае (1) распознавание м-ром X моего намерения поставить его в известность, что между м-ром Y и миссис X что-то происходит, в незначительной степени имеет отношение к порождаемому этой фотографией действию. Фотография вызвала бы у м-ра X , по меньшей мере, подозрения в отношении миссис X , даже если бы я не показал ее ему, а просто случайно оставил бы ее в его комнате; и я (как предьявитель фотографии) вполне бы это осознавал. Но воздействие, производимое моей картиной на м-ра X , будет разным в зависимости от того, будет ли он считать,

что в мои намерения входило сообщить ему что-то (заставить его поверить во что-то) о миссис X или же я просто что-то машинально нарисовал или попытался создать произведение искусства.

Но если принять это объяснение, мы, похоже, оказываемся перед другой трудностью. Ибо рассмотрим теперь случай нахмуривания бровей. Если я хмурю брови спонтанно, как следствие естественного хода вещей, то смотрящий на меня человек вполне может воспринять мои нахмуренные брови как естественный знак недовольства. Но если я хмурю брови намеренно (чтобы сообщить о своем недовольстве), то вполне можно ожидать, что смотрящий на меня человек – при условии, что он распознает мое намерение, – *по-прежнему* заключит, что я недоволен. Разве не следует нам в таком случае утверждать, что, поскольку нельзя ожидать какой-либо разницы в реакции смотрящего на меня человека в зависимости от того, считает ли он мой нахмуренный вид спонтанным или выражающим намерение что-то сообщить, мои (намеренно) нахмуренные брови не имеют никакого значения_{NN}? Думаю, эта трудность преодолима, ибо хотя обычно намеренно нахмуренные брови могут иметь тот же самый эффект (заставлять верить в мое недовольство), что и спонтанно нахмуренные брови, они имеют этот эффект только *при условии*, что слушающие воспринимают их как выражение намерения сообщить о недовольстве. Таким образом, если мы исключим распознавание намерения, сохранив все другие обстоятельства (включая распознавание того, что нахмуренный вид является намеренным), то этим нарушается или устраняется способность нахмуренных бровей порождать определенное мнение.

Вероятно, мы можем следующим образом суммировать все то, что необходимо, чтобы A вложил какое-либо значение в x . A должен иметь намерение вызвать с помощью x у слушающих какое-то мнение, и он должен также хотеть, чтобы его высказывание было распознано как выражающее это намерение. Но эти намерения не являются независимыми; распознавание входит в намерения A , ибо оно играет определенную роль в порождении соответствующего мнения, и, если распознавание не состоится, что-то пойдет не так и в реализации намерений A . Более того, желание A , чтобы распознавание сыграло эту роль, думаю, предполагает, что A допускает вероятность того, что оно сыграет эту роль; A не расценивает как неизбежное заключение о том, что у слушающих будет создано соответствующее мнение независимо от того, будет ими распознано или нет стоящее за его высказыванием намерение. Короче говоря, вероятно, мы можем сказать, что « A вложил то-то как значение_{NN} в x » приблизительно эквивалентно « A произнес x с намерением вызвать определенное мнение благодаря распознаванию этого намерения». (Может показаться, что это содержит рефлексивный парадокс, но в действительности это не так.)

Теперь, видимо, настало время отбросить допущение, что мы имеем дело только со случаями «информирования». Давайте для начала рассмотрим несколько примеров побудительных и квазипобудительных высказываний. У меня в комнате находится очень жадный человек, и я хочу, чтобы он поскорее ушел; поэтому я бросаю в окно купюру достоинством в один фунт. Имеет ли здесь место какое-либо высказывание со значением_{NN}? Нет, потому что в том, как я себя повел, в мои намерения не входило распознавание им моей цели, состоящей в том, чтобы каким-то эффективным способом добиться его ухода. Это аналогично случаю с фотографией. Однако если бы я указал ему на дверь или слегка подтолкнул его, тогда мое поведение можно было бы расценить как образующее высказывание со значением_{NN}, именно потому, что распознавание им моего

намерения входило в мои намерения ускорить его уход. Вот еще пара случаев: (1) полицейский, останавливающий машину тем, что встает на пути ее движения, и (2) полицейский, останавливающий машину взмахом руки.

Или возьмем случай другого рода – если я в качестве экзаменатора заваливаю студента, я вполне могу вызвать у него стресс, возмущение или чувство унижения, а если я к тому же мстителен по натуре, это воздействие может войти в мои намерения, и я даже могу хотеть, чтобы он распознал это мое намерение. Но я не склонен полагать, что это мое поведение в отношении студента что-либо означало_{NN}. Однако если я толкну кого-нибудь на улице, я склонен отнести это происшествие к случаям со значением_{NN}, и, на мой взгляд, это связано с тем фактом, что у меня нет оснований ожидать, что данный человек испытает стресс (возмущение, унижение), если только он не распознает моего намерения вызвать у него такую реакцию. (Ср. если бы мой колледж прекратил выплачивать мне зарплату, я обвинил бы их в том, что они меня уничтожили; если бы они урезали ее на один фунт, я мог бы обвинить их в том, что они меня унизили; при промежуточных урезаемых суммах я, вероятно, не знал бы, что сказать.)

Видимо, теперь мы можем сделать следующие обобщения.

(1) «*A* вложил значение_{NN} в *x*» (приблизительно) эквивалентно «*A* намеревался произнести *x*, чтобы произвести некоторое воздействие на слушающих посредством их распознавания этого его намерения». К этому можно добавить, что, спрашивая, какое значение *A* вложил, мы просим описать это намеренное воздействие (хотя, конечно же, не всегда можно получить прямой ответ, содержащий придаточное предложение с союзом «что», например «мнение, что...»).

(2) «*x* означает то-то и то-то» (приблизительно) эквивалентно «Некто вложил значение_{NN} в *x*». Здесь снова возможны случаи, когда это не вполне работает. Я склонен утверждать, что включение красного света на светофоре означает_{NN}, что транспортные средства должны остановиться; но было бы очень неестественно говорить: «Некто (например, муниципалитет) вложил как значение_{NN} во включение красного цвета то, что транспортные средства должны остановиться». Тем не менее, видимо, и здесь имеет место *некоторая* отсылка к чьим-то намерениям.

(3) «*x* означает_{NN} (безотносительно ко времени), что так-то и так-то» можно в первом приближении приравнять некоторому утверждению или дизъюнкции утверждений о том, что «люди» имеют намерение (с уточнениями о «распознании») воздействовать с помощью *x*. Я еще скажу об этом несколько слов.

Подойдет ли любой вид намеренного воздействия или возможны случаи, когда воздействие является намеренным (с необходимыми уточнениями), а мы все же не склонны говорить о значении_{NN}? Допустим, я встретил очень необычного человека, который после того, как я сказал ему, что буду издавать крякающие звуки и хочу, чтобы он при этом краснел или испытывал физическое недомогание, действительно, заслышав мои крякающие звуки (и, соответственно, распознав мое намерение), всякий раз краснел или ощущал недомогание. Склонны были бы мы тогда утверждать, что мои крякающие звуки что-либо значили_{NN}? Я так не думаю. Это указывает на следующий факт: чтобы *x* имело значение_{NN}, намеренное воздействие должно быть чем-то таким, над чем слушающие в каком-то смысле осуществляют контроль, или распознавание стоящего за *x* намерения должно быть для слушающих «разумным основанием» (в некотором смысле этого слова), а не просто причиной. Может показаться, что здесь имеет место игра слов («разумное основание для веры» и «разумное основание для

действия»), но я не вижу в этом серьезного затруднения. Ибо хотя, с одной стороны, несомненно, вопросы о разумных основаниях для веры касаются имеющихся данных (evidence) и поэтому отличаются от вопросов о разумных основаниях для действия, тем не менее, с другой стороны, распознать намерение произнесшего описательное высказывание x человека и тем самым иметь основания считать, что так-то и так-то, по крайней мере, сходно с тем, чтобы «иметь мотив для» принятия того-то и того-то. «Решить, что...», видимо, включает в себя «решить сделать то-то» (и именно поэтому мы можем «отказываться верить», а также можем быть «вынужденными поверить»). (Случай, когда человека «толкают», нужно трактовать несколько иначе, ибо нельзя в каком-либо прямом смысле «решить» обидеться; но можно отказаться обижаться). Таким образом, это выглядит, как если бы намеренное воздействие должно было бы быть чем-то таким, что находится под контролем слушающих, или, по крайней мере, чем-то таким, что допускает подобный контроль.

Отмечу еще один момент, прежде чем перейти к возражениям. Думаю, из сказанного мной по поводу связи между значением_{NN} и распознаванием намерения следует, что (если я прав) только так называемое исходное намерение говорящего имеет отношение к значению_{NN} его высказывания. Ибо если я произношу x , имея намерение (с помощью распознавания этого намерения) произвести воздействие E , и хочу, чтобы это воздействие E привело к дальнейшему воздействию F , то, поскольку считается, что появление F зависит исключительно от E , я не могу рассматривать воздействие F как хотя бы в малейшей степени зависящее от распознавания моего намерения вызвать E . Так, если я (скажем) имею намерение заставить человека сделать что-то, сообщая ему некоторую информацию, нельзя рассматривать описание того, что я хочу, чтобы он сделал, как имеющее отношение к значению_{NN} моего высказывания.

Может возникнуть вопрос относительно моего употребления, довольно вольного, таких слов, как «намерение» и «распознавание». Я должен заявить, что не собираюсь насыщать нашу разговорную жизнь массой сложных психологических событий. Я не надеюсь разрешить ни одной философской головоломки о намерениях, но я хочу вкратце сказать о том, что никаких особых трудностей не вызывает мое употребление слова «намерение» в связи со значением. Во-первых, возможны случаи, в которых высказывание сопровождается или предваряется сознательным «планом» или явной формулировкой намерения (например, я заявляю, что собираюсь так-то употреблять x , или задаюсь вопросом, как «донести что-либо (до слушателей)»). Наличие подобного явного плана, очевидно, служит довольно сильным доводом в пользу того, что намерение (значение) говорящего является «спланированным»; хотя это не играет, на мой взгляд, решающей роли; например, говорящий, объявивший о своем намерении использовать известное выражение непривычным образом, может незаметно вернуться к его обычному употреблению. Нечто похожее имеет место и в лингвистических случаях: если мы спрашиваем человека, что он намеревается делать, заявленное им намерение нельзя сбрасывать со счетов; тем не менее, человек может планировать выбросить письмо в мусорное ведро и все же относит его на почту; замахнувшись рукой, человек может «сдержаться» и сказать *либо*: «Я вовсе не имел намерения этого делать», *либо*: «Должно быть, вначале у меня промелькнуло такое намерение».

Явные формулировки лингвистических (или квазилингвистических) намерений, несомненно, довольно редки. При их отсутствии мы, по-видимому, опираемся на точно такие же критерии, какие мы обычно используем в случае

нелингвистических намерений. Считается, что говорящий намеревается передать то, что обычно передается таким образом (или обычно входит в намерения быть переданным таким образом), и нам нужны хорошие основания, чтобы признать отклонение конкретного использования выражения от его обычного употребления (например, человек никогда не знал или забыл, как обычно употребляется данное выражение). Похожее происходит и в нелингвистических случаях: предполагается, что мы, как правило, хотим обычных последствий наших действий.

Опять же в случаях, когда, скажем, возникает сомнение, какую из двух или более вещей говорящий намеревается сообщить, мы склонны ссылаться на контекст его высказывания (лингвистический или какой-либо иной) и спрашивать, какая из альтернатив была бы релевантна другим его словам или действиям, или какое намерение в конкретной ситуации согласовывалось бы с определенной целью, которую он очевидно преследует (например, человек, который требует «насос» на пожаре, не имеет в виду велосипедный насос). Нелингвистические параллели очевидны: именно контекст служит нам критерием, когда мы спрашиваем, почему человек, только что взявший в рот сигарету, сует руку в карман; релевантность очевидной цели служит критерием и при установлении, почему человек убегает от быка.

В некоторых лингвистических случаях мы можем позже спросить говорящего о том, с каким намерением он что-либо сказал, и в некоторых из этих случаев (очень сложных – вроде тех, когда философа просят объяснить значение непонятого места в одном из его произведений), его ответ основывается не на том, что он помнит, а больше похож на принимаемое решение по поводу того, как следует понимать сказанное им. Я не могу найти для этого нелингвистических параллелей; но этот случай настолько особый, что, видимо, не вносит существенных различий.

Все это очевидно; но, безусловно, чтобы показать близкое сходство критериев оценивания лингвистических намерений с критериями оценивания нелингвистических намерений, нужно показать, что лингвистические намерения очень похожи на нелингвистические намерения.

Перевод с английского языка *Л.Б. Макеевой*

Список литературы

- Грайс П.* Логика и речевое общение / Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Avramides A.* Intention and Convention // Companion to the Philosophy of Language / Ed. by D. Hale, C. Wright. Oxford: Blackwell, 1998. P. 60–86.
- Bach K. Grice* // Philosophy of Language: Key Thinkers / Ed. by B. Lee. L.: Continuum, 2011. P. 179–198.
- Chapman S.* «Meaning»: Philosophical Forebears and Linguistic Descendants // Theorema: Revista Internacional de Filosofia. 2007. Vol. 26. No. 2. P. 59–75.
- Grice H.P.* Meaning // Philosophical Review. 1957. Vol. 66. P. 377–388.
- Grice H.P.* Studies in the Way of Words. Harvard: Harvard University Press, 1989. 406 p.
- McGinn C.* Philosophy of Language. The Classics Explained. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2015. 240 p.
- Meaning and Analysis. New Essays on Grice / Ed. by K. Petrus. L.: Palgrave Macmillan, 2010. 356 p.
- Neale S.* H.P. Grice (1913–1988) // A Companion to Analytic Philosophy / Ed. by A.P. Martinich, D. Sosa. Oxford: Blackwell, 2005. P. 254–273.

- Schiffer S. Meaning. Oxford: Oxford University Press, 1972. 184 p.
- Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Oxford: Oxford University Press, 1969. 203 p.
- Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 2: The Age of Meaning. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. 504 p.
- Strawson P.F. Intention and Convention in Speech Acts // Philosophical Review. 1964. Vol. 73. P. 439–604.

What is meaning? Paul Grice's answer

Appendix: *Paul Grice. Meaning* (translated into Russian by *Lolita B. Makeeva*)

Lolita B. Makeeva

National Research University "Higher School of Economics". 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: lmakeeva@hse.ru

The present paper discusses the ideas presented in Paul Grice's groundbreaking paper 'Meaning' published in 1957. The ideas are examined in the perspective of Grice's mature, complete and elaborate approach to language. The following tenets are indicated as the main features of that approach: (1) though meaning and use are closely connected, they should not be identified; (2) the theory of meaning and language as a whole must be systematic and explanatory; (3) the meaning of linguistic expressions is explicated in terms of psychological states, first of all, in terms of intentions; (4) three kinds of meaning are distinguished: the meaning of a sentence, the uttered content (what is said), and speaker (utterer's) meaning; (5) conversation is treated as a rational activity submitted to some general principles: to recognize the speaker intentions the audience makes a special kind of inference – implicatures; (6) natural languages has no special informal logic; (7) semantic and pragmatic aspects of language has no clear-cut boundary, they interact with each other. In discussing Grice's article 'Meaning' a special attention is paid to three points: the difference between natural and non-natural meaning, the applied procedure of conceptual analysis (through identifying necessary and sufficient conditions for attributing non-natural (or speaker) meaning and the nature (reflexive or iterative) of speaker intentions which later were called 'communicative'. Though Grice is commonly regarded to be a philosopher of ordinary language, his views on the character of meaning and conversation testify to the effect that he rejects some important principles of that philosophical school.

Keywords: meaning, language, conversation, communicative intention, implicature, pragmatics, semantics, philosophy of ordinary language

For citation: Makeeva, L.B. "Chto est' znachenie? Otveta Pola Graisa" [What is meaning? Paul Grice's answer], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, No. 4, pp. 69–88. (In Russian)

References

- Avramides, A. "Intention and Convention", *Companion to the Philosophy of Language*, ed. by D. Hale and C. Wright. Oxford: Blackwell, 1998, pp. 60–86.
- Bach, K. "Grice", *Philosophy of Language: Key Thinkers*, ed. by B. Lee. London: Continuum, 2011, pp. 179–198.
- Chapman, S. "'Meaning': Philosophical Forebears and Linguistic Descendants", *Theorema: Revista Internacional de Filosofia*, 2007, Vol. 26, No. 2, pp. 59–75.
- Grice, H.P. "Meaning", *Philosophical Review*, 1957, Vol. 66, pp. 377–388.

- Grice, H.P. "Logika i rechevoe obhchenie" [Logic and Conversation], *Novoe v zarubejnoj lingvistike* [The New in Foreign Linguistics], Vol. XVI. Moscow: Progress Publ., 1985, pp. 217–237. (In Russian)
- Grice, H.P. *Studies in the Way of Words*. Harvard: Harvard University Press, 1989. 406 pp.
- McGinn, C. *Philosophy of Language. The Classics Explained*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2015. 240 pp.
- Neale, S. "H.P. Grice (1913–1988)", *A Companion to Analytic Philosophy*, ed. by A.P. Martinich, D. Sosa. Oxford: Blackwell, 2005, pp. 254–273.
- Petrus, K. (ed.) *Meaning and Analysis. New Essays on Grice*. London: Palgrave Macmillan, 2010. 356 pp.
- Schiffer, S. *Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 1972. 184 pp.
- Searle, J. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press, 1969. 203 pp.
- Soames, S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*, Vol. 2: The Age of Meaning. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2003. 504 pp.
- Strawson, P.F. "Intention and Convention in Speech Acts", *Philosophical Review*, 1964, Vol. 73, pp. 439–604.